

Научная статья

УДК 81'22

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16202>

EDN: <https://elibrary/CWACXT>

АНАЛИЗ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Кагиров , К.О. Киселева , И.С. Кипяткова

Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ kagirov@iias.spb.su

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию переключения кодов в современной карельской речи (ливвиковское наречие), при этом основное внимание уделяется структурным, морфонологическим и прагматическим аспектам этого явления. Несмотря на общую изученность карельско-русского билингвизма в научной литературе, по-прежнему остается недостаточно описанным ряд вопросов о преобладающих типах переключений кодов, механизмах морфонологической адаптации элементов из русского кода-донора и их функциях в коммуникации. Цель данной работы — дополнить исследования по этой теме, предложив формальный анализ карельско-русской речи. Материалом исследования послужил корпус из 41 записи (3,6 часа) спонтанных нарративов, собранных коллективом авторов этой статьи в 2024–2025 годах. Общая трактовка явлений из области переключения кодов соответствует моделям Л. Юхансона и П. Мейскена, методология основана на формальном анализе распределения дискурсивных типов контекста, морфофонетических моделей встраивания элементов кода-донора их частеречных признаков. Результаты показали, что переключение кодов встречается в 65% высказываний, при этом основной стратегией переключения является инсерция. С точки зрения частеречной принадлежности копируемых единиц на первом месте оказываются существительные, демонстрирующие высокую степень глобального копирования. Глаголы и прилагательные, напротив, чаще адаптируются морфологически. Также анализ выявил наибольшую частоту переключений в комментариях и цитированиях, что, вероятно, связано с метатекстовыми функциями этих дискурсивных типов. Выводы подтверждают наблюдения о системном характере карельско-русского переключения кодов, однако окончательный вывод является предметом более широкого исследования в будущем. Исследование вносит вклад в изучение языковых контактов и проблему переключения кодов в условиях двуязычия доминантного типа.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, переключение кодов, двуязычие, глобальное копирование, дискурсивный анализ, прибалтийско-финские языки.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РНФ (проект № 24-21-00276, <https://rscf.ru/project/24-21-00276/>).

Для цитирования: Кагиров И.А., Киселева К.О., Кипяткова И.С. Анализ переключения кодов в речи носителей карельского языка // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.16202

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16202>

CODE-SWITCHING ANALYSIS IN KARELIAN LANGUAGE SPEAKERS' SPEECH

I.A. Kagirov , K.O. Kiseleva , I.S. Kipyatkova

St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

✉ kagirov@iias.spb.su

Abstract. This paper addresses the code-switching phenomena in contemporary Karelian speech (Livvi dialect), focusing on their structural, morphophonological, and pragmatic aspects. While Karelian-Russian bilingualism has been widely studied, a range of key problems regarding code-switching patterns, mechanisms of morphophonological adaptation of donor-code elements, and their communicative functions remain understudied. This study addresses this gap by providing a formal analysis of Karelian-Russian code-switching. For this research, a corpus of 41 recordings (3.6 hours) of spontaneous narratives collected by the authors in 2024–2025 is used. The analysis follows Johanson's and Muysken's theoretical frameworks, employing formal analysis of the distribution of discursive context types, morphophonological models of embedding the elements of the donor code and their part-of-speech features. The results showed that code-switching occurs in 65% of utterances, with insertion as the dominant strategy; nouns show the highest frequency, exhibiting extensive global copying; verbs and adjectives demonstrate stronger morphological adaptation; switching peaks in metatextual discourse types (comments, quotations). The results confirm the systematic nature of Karelian-Russian code-switching, while suggesting need for broader investigation. The study contributes to contact linguistics by examining code-switching patterns in dominant-language bilingualism contexts.

Keywords: Karelian language, Livvi-Karelian dialect, code-switching, bilingualism, global copying, discourse analysis, Balto-Finnic languages.

Acknowledgements: This research is supported by the Russian Science Foundation (project № 24-21-00276, <https://rscf.ru/en/project/24-21-00276/>).

Citation: Kagirov I.A., Kiseleva K.O., Kipyatkova I.S., Code-switching analysis in Karelian language speakers' speech, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.16202

Введение

Переключение кодов [1–4] является распространенным явлением в современной карельской речи, неоднократно привлекавшим внимание специалистов за последние несколько десятков лет. Наиболее значимым исследованием в этой области является [5], анализирующее взаимодействие тверского диалекта карельского языка и северо-западных русских диалектов. В частности, автор выделяет шесть идиомов, сформировавшихся в регионах сохранения карельской речи под влиянием переключения кодов. Также хорошо известно, что карельский язык, особенно в устной коммуникации, включает значительное количество русских заимствований, которые фактически становятся частью языковой системы [6].

Несмотря на существующие описания, карельско-русское переключение кодов остается недостаточно исследованным с точки зрения целого ряда аспектов [7, с. 1–6; 8, с. 348]. Прежде всего, отсутствует систематическое описание структурных закономерностей данного явления: не выявлены преобладающие типы переключений и их распределение в спонтанной речи. Кроме того, недостаточно исследованы механизмы морфонологической адаптации русских элементов при их копировании в карельский языковой код. Наконец, требует уточнения прагматический аспект, а именно функции переключений кода в различных коммуникативных ситуациях.

В настоящей статье изложены наблюдения над карельской речью именно с точки зрения вышеизложенных проблем. Основное внимание уделяется трем аспектам: структурной типологии

переключений; особенностям фонетико-морфологической адаптации словоформ; корреляции между типами переключений и параметрами коммуникативной ситуации.

Сведения о карельском языке

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи. Основной ареал распространения включает Республику Карелию, а также отдельные районы Тверской, Ленинградской и Мурманской областей [9–11].

В лингвистическом отношении карельский язык демонстрирует диалектное разнообразие. Так, выделяются три основные диалектные группы: собственно карельские говоры (включающие северные и южные диалекты, а также анклавные идиомы), ливвиковское и людиковское наречия. В современных карельских СМИ и печатных изданиях на сегодня наибольшее распространение получило ливвиковское наречие [12]. При этом общее число говорящих на карельском сокращается: согласно данным переписи 2020 года, в Карелии проживало около 26 тысяч носителей карельского языка (из которых 11 тысяч сообщили о владении карельским языком и только 7 тысяч сказали, что карельский является их родным языком)¹, что в два раза меньше цифр, зафиксированных в переписи 2002 года [10].

Морфологически карельский язык относится к агглютинативным с развитой системой апофонии. Именные части речи изменяются по 16 падежам и двум числам, глаголы спрягаются по лицам, числам, четырем временам и нескольким наклонениям. В синтаксисе базовым порядком слов является SVO, однако под влиянием контактов с русским языком высказывания на карельском часто демонстрируют свободный порядок слов. Лексика включает как исконную прибалтийско-финскую основу, так и значительный пласт русских заимствований. Помимо русского языка, важным источником заимствований является (в том числе, в рамках стандартизации литературной нормы) финский язык [13, с. 707].

Описание корпуса

Материалом для настоящего исследования послужил корпус спонтанной карельской речи, собранный в 2024–2025 годах в рамках проекта по созданию системы автоматического транскрибирования карельского языка [14]². Материалы состоят из 41 записи спонтанных нарративов от носителей карельского языка на относительно узкий круг тем, например факты из биографии, особенности профессии или воспоминания о значимых периодах жизни информантов. Общая длительность записей составляет 3,6 часов. Запись производилась в форме индивидуальных бесед, где интервьюер, являющийся носителем карельского языка, задавал стимулирующие вопросы на карельском языке, однако в процессе общения допускалось свободное переключение на русский. Несмотря на то, что все информанты являются носителями карельского языка, они не используют его в повседневной коммуникации в силу текущей социолингвистической ситуации в Республике Карелии. Несмотря на это обстоятельство, все дикторы продемонстрировали способность к порождению текстов на карельском (с разной степенью частоты переключений на русский). Интервьюер, выступавший в роли инициатора беседы, также являлся носителем карельского языка, что способствовало созданию естественной коммуникативной ситуации. Отбор материала проводился на основе критериев, обеспечивающих релевантность для изучения переключения кодов: в корпус включались записи спонтанных нарративов от носителей карельского языка, способных к продуцированию текстов на карельском (даже при разной степени частоты переключений на русский) на заданную тематику.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.05.2025).

² <https://github.com/IrinaKipyatkova/KarRusCoS>.

Ниже, в табл. 1, приведены метаданные, включающие в себя пол информантов, общее количество высказываний, а также информацию о тематике нарративов. Все записи были расшифрованы экспертом-носителем карельского языка и разбиты по высказываниям.

Таблица 1. Информация о дикторах и тематиках нарративов³
Table 1. Information about the speakers and the subjects of the narratives

Диктор	Пол	Кол-во высказываний	Тематика нарративов
speaker_08	муж	21	рассказ о профессии
speaker_17	муж	134	автобиография
speaker_18	жен	69	история создания музея
speaker_19	муж	77	рассказ о профессии
speaker_20	жен	105	рассказ о профессии и эпизоды из автобиографии
speaker_21	муж	205	краеведческий рассказ и автобиография
speaker_22	муж	108	рассказ о профессии
speaker_23	жен	148	автобиография
speaker_24	муж	111	автобиография
speaker_25	муж	114	рассказ о профессии
speaker_26	жен	195	автобиография и рассказ о профессии
speaker_27	муж	110	автобиография
speaker_28	муж	126	автобиография и рассказ о жизни в деревне
speaker_29	жен	62	рассказ о профессии
speaker_30	жен	48	автобиография
speaker_31	жен	41	эпизод из автобиографии
speaker_32	жен	55	нарратив на бытовые темы
speaker_33	жен	62	нарратив на бытовые темы
speaker_34	муж	89	рассказ о профессии
speaker_35	жен	118	автобиография
speaker_36	жен	156	автобиография с рассуждениями на отвлеченные темы
speaker_37	муж	103	автобиография и рассказ о профессии
speaker_38	муж	58	краеведческий рассказ
speaker_39	жен	216	автобиография
speaker_41	муж	34	рассказ о профессии
speaker_42	жен	48	краеведческий рассказ
speaker_43	жен	71	автобиография
speaker_44	жен	89	рассказ о профессии и воспоминания об отце
speaker_45	жен	31	автобиография
speaker_46	муж	28	автобиография
speaker_47	жен	65	автобиография
speaker_48	жен	28	автобиография
speaker_49	муж	22	автобиография
speaker_50	жен	43	рассказ о профессии
speaker_51	жен	58	автобиография
speaker_52	жен	56	автобиография

³ Нумерация информантов в данном корпусе продолжает нумерацию, принятую в ранее собранном корпусе, который включал записи, выполненные в иных экспериментальных условиях (с другими стимулами и в другой обстановке).

Окончание таблицы 1

Диктор	Пол	Кол-во высказываний	Тематика нарративов
speaker_53	муж	65	автобиография (рассказ о войне) с рассуждениями на отвлеченные темы
speaker_54	жен	50	рассказ о болезни
speaker_55	жен	38	автобиография
speaker_56	жен	46	автобиография
speaker_57	жен	12	автобиография
		Всего: 3587	

При транскрибировании и морфологической разметке особое внимание уделялось словоизменительным аффиксам, присоединяемым к заимствованным основам. В некоторых из представленных показателей (-at, -an, -as, -ua и др.) собственно окончание с точки зрения карельской морфологии представлено только финальным согласным или гласным (-t, -n, -s, -a), а гласный перед ним является формативом. Например, в экскурсовод/at гласный /a/ не входит в состав окончания, а является морфологически обусловленным сегментом (иначе говоря, вариантом гласной основы), возникающим при присоединении карельского окончания. Разметка показателей проводилась по данной модели с целью явного выделения момента присоединения карельского морфологического материала к русской лексической основе.

Методика исследования

Анализ переключения кодов представляет собой нетривиальную задачу, требующую учета множества факторов: социолингвистического контекста, коммуникативных функций, структурных характеристик высказываний, степени интеграции элементов одного языка в другой и тому подобных явлений. На практике конкретный способ исследования переключения кодов чаще всего обусловлен кругом задач, обозначенным в каждом конкретном исследовании. Разные исследователи предлагают различные критерии разграничения этих явлений – от психолингвистических и социолингвистических до чисто формальных. В данной работе представляется целесообразным опираться, прежде всего, на формальные критерии из области синтаксиса и морфонологии, поскольку они позволяют анализировать языковые факты без обращения к трудно верифицируемым факторам из области психо- и социолингвистики. Единственным сознательным отступлением от этого подхода является анализ переключения в зависимости от дискурсивных типов контекста (см. ниже, раздел «Классификация данных»).

Это решение заслуживает отдельного пояснения. В самом деле, отказ, например, от социолингвистических аспектов переключения кодов существенно ограничивает исследование с точки зрения полноты интерпретации данных. Однако для качественного анализа собранного корпуса требуются, прежде всего, тщательная систематизация и количественное описание структурных закономерностей переключения кодов в собранных данных. Этот подход, таким образом, позволяет представить языковой материал, опираясь на четко наблюдаемые и формализуемые характеристики, что, разумеется, не отменяет возможности более сложных интерпретаций, учитывающих социо- и психолингвистические аспекты.

В современной литературе о переключении кодов в принципе существует проблема четкой терминологии, в частности определение самого явления переключения кодов и отмежевание его от смежного понятия смешения кодов⁴. Поскольку авторы этой статьи не ставят перед собой фундаментальной задачи определения типов мены кода и языковой интерференции, вопросы

⁴ Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004; Муслимов М.З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005; Мутылина А.Ю. Русско-китайское внутрифразовое переключение и смешение кодов: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012.

терминологии в основном были оставлены за рамками исследования. Стоит все же заметить, что в настоящем исследовании механизмы переключения кодов анализируются в терминах модели Л. Юхансона [15] с привлечением модели П. Майскена [16]. Согласно Юхансону, процесс переключения кодов предполагает взаимодействие двух основных компонентов: кода-донора и кода-реципиента, при этом основным механизмом переключения является «копирование», то есть имитация элементов одного кода (код-донор) другим (код-реципиент). При этом принципиально важным является различие глобального и селективного копирования. Глобальное копирование предполагает воспроизведение целостных сегментных единиц — от отдельных фонем до высказываний — с сохранением их исходной семантики. Примером может служить «арендатор/at omua guaduo guatah» («арендаторы делают свою работу»)⁵, где русская основа «арендатор-» сохраняет свое значение, но подчиняется синтаксическим и морфологическим правилам карельского языка, получая соответствующее морфосинтаксическое оформление.

Селективное копирование, напротив, затрагивает несегментные аспекты языка, включая грамматические структуры, фонологические особенности и семантические модели. Например, заимствования в карельский язык из русского зачастую сохраняют русскую фонологию: произношение /ы/ по русскому образцу, появление звука /ш/ в заимствованных словах, сохранение русского словесного ударения и частичное отсутствие дифтонгизации [12, с. 38; 17].

Помимо типов копирования, полезно различать структурные типы переключений кодов вслед за П. Майскеном [16]: инсерцию и альтернацию. Под инсерцией понимается копирование элементов кода-донора в морфосинтаксическую рамку кода-реципиента (см. рассмотренный выше пример «арендатор/at omua guaduo guatah»). Наоборот, альтернация — это (равноправное) чередование сегментов разных языков, каждый из которых сохраняет свои грамматические и синтаксические особенности. В отличие от инсерции, при альтернации сложно однозначно идентифицировать код-донор и код-реципиент. С формальной точки зрения для альтернации характерны паузы, хезитации, самоисправления и т.п. Кроме того, П. Майскен говорит о конгруэнтной лексикализации, характеризующейся большим количеством диаморфов (межъязыковых омонимов) и фактически указывающей на объединение двух языковых систем в одну с относительно случайным заполнением новой гибридной структуры элементами из обоих языков.

Еще одним аргументом в пользу подхода Майскена является, в частности, тот факт, что для ряда современных прибалтийско-финских языков, существующих в условиях контакта с русским, характерна высокая степень взаимодействия с доминантным кодом (русским), чье проявление выходит за рамки простого включения иноязычных элементов в матричный язык. Примеры согласования между разноязычными компонентами, в том числе по роду и падежу, указывают на формирование своего рода гибридной системы, где языки сливаются в единую структуру. Модель Майскена, с ее категориями альтернации, инсерции и особенно конгруэнтной лексикализации, позволяет адекватно представлять эти типы взаимодействия⁶.

В исследовании [18] явления, связанные с переключением кодов, дополнительно анализируются по следующим формальным основаниям: вставка двух и более знаменательных слов; вставка служебного слова; «параллельное» употребление знаменательного слова с переключением; окказиональные заимствования. Авторы упомянутой статьи эксплицитно сообщают: они преследуют исключительно дескриптивные задачи, что очевидным образом и обусловило формальность выбранного им подхода. Вместе с тем представляется, что различение инкорпорированных знаменательных и служебных слов является совершенно оправданным. Так, согласно модели матричного языка К. Майерс-Скоттон [4], именно функциональная асимметрия системных и знаменательных морфем обуславливает структурную устойчивость высказываний

⁵ В рамках настоящей статьи для удобства читателя было принято решение использовать знак косой черты (/), отграничивающий единицы, принадлежащие разным идиомам, в тех случаях, когда подробное глоссирование представляется излишним.

⁶ Муслимов М.З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

при внутрифразовом переключении кодов. Жесткая привязка системных морфем к матричному языку создает грамматический каркас, обеспечивающий целостность языковой конструкции, тогда как относительная мобильность знаменательных морфем позволяет свободно интегрировать лексические единицы из встроеного языка.

Другим параметром классификации, также примененным в [18], является тип дискурсивного режима. При этом в качестве основы может быть использована классификация В.А. Плунгяна (с опорой на исследования П. Хоппера, С. Флейшман, Р. Лонгейкра и др.) с некоторыми модификациями. Основной идеей этого подхода является наблюдение о том, что каждому типу текста соответствуют своя дискурсивная функция и, следовательно, свой набор специализированных (грамматических) средств. Несмотря на то, что в оригинальной работе [19] речь идет в первую очередь о грамматических значениях из глагольной области, анализ типа дискурса может оказаться полезным и для задач, обозначенных во введении к настоящей статье. В последующих разделах будет исследована корреляция между следующими типами контекста и частотой переключений кодов:

1) Зачин, или интродуктивный тип дискурса, — включает экспозицию, раскрывающую предшествующие события и представляющую основных участников повествования:

(1) Karjal-an	mies	ole-n	rodi-i-mos
Карелия-GEN ⁷	человек; NOM	быть; PRES-1SG	родиться-PST-1SG

в Олонецком районе деревня Коткозеро
{RUS} Kotkatjärve-s
Коткозеро-INE

‘Я — карел. Родился {в Олонецком районе, деревня Коткозеро}_{RUS}, в Коткозере’.

2) Секвенциальный тип дискурса — отражает последовательную смену ключевых эпизодов, составляющих основную сюжетную линию:

(2) täs	on	minä	täs	on
здесь	быть; 3SG	1SG; NOM	здесь	быть; 3SG
minu-n	заместител-и	sit	следовател-ät	olla-h,
1SG-GEN	заместитель-NOM	потом	следовател-PL; NOM	быть-3PL
sit	розыск-aspäi	miehe-t	sit	ГАИ-späi
потом	розыск-ELA	человек-PL; NOM	потом	ГАИ-ELA

‘Тут есть я, тут есть мой заместитель, потом следователи есть, потом люди из розыска, потом из ГАИ’.

3) Ретроспективный тип дискурса — содержит описание второстепенных обстоятельств, сопутствующих основному действию, но не являющихся его центральной частью:

(3) lopi-i-n	škola-n	jälles	эээ	opastu-i-n
заканчивать-PST-1SG	школа-ACC	потом	эээ	учиться-PST-1SG

lopi-i-n речно-in училищ-an речное училище
заканчивать-PST-1SG речной-ACC училище-ACC {RUS}

‘Закончил школу. Потом эээ учился, закончил речное училище, {речное училище}_{RUS}’.

⁷ Список глосс в конце статьи.

4) Комментарий — предполагает оценочные или аналитические суждения рассказчика, объясняющие или интерпретирующие события. В собранном материале к комментариям относятся также (многочисленные у ряда информантов) обращения к интервьюеру:

(4) yksikai	minu-l	нравится	
все равно	1-ALL	{RUS}	
это наверно в крови	miu-n	ol-i	tämä
{RUS}	1-GEN	быть-PST.3SG	DEM
‘Все равно мне {нравится. Это, наверно, в крови} _{RUS} у меня было это’.			

5) Цитирование — воспроизведение прямой или косвенной речи персонажей или других участников коммуникации:

(5) ol-i	sie	viije-s	koht-u	
быть-PST.3SG	там	пять-ADJZ.NOM	место-NOM	
viiz	пункт-u	kanzallisuus		
пять	пункт-NOM	национальность;NOM		
kač-čou	kač-čou	ga	ole-t=go	karjalaine
смотреть-PRES.3SG	смотреть-PRES.3SG	так	быть-2SG=Q	карел; NOM
‘Там была пятая графа, пункт пять, национальность. Смотрит, смотрит: «Так ты карел?»’.				

6) Концовка — завершающий элемент нарратива, сигнализирующий о его окончании и подводящий итог:

(6) ну вот, а и мама	sinne	läht-i	käy-mäh
{RUS}	туда	отправиться-PST.3SG	ходить-3INF.ILL
a	minä	jä-i-n	baba-n
{RUS}	1SG; NOM	остаться-PST-1SG	бабушка-GEN
da	diedi-n	kel	täh
и	дедушка-GEN	вместе.c	сюда
‘{Ну вот, а и мама} _{RUS} туда отправилась, {a} _{RUS} я осталась тут с бабушкой и дедушкой’.			

Другой проблемой, актуальной при анализе билингвальных данных, является дифференциация между переключением кодов и заимствованиями лексики. В рамках настоящего исследования любое копирование знаменательных морфем и морфемных комплексов рассматривалось как переключение кодов. Причиной является то, что критерий морфологической адаптации (заимствованные лексемы подчиняются морфосинтаксическим правилам языка-реципиента, в то время как при переключении кодов может сохраняться исходная морфология) не всегда позволяет отличить заимствование от вкрапления словоформ. Например, русское слово «солярка» в карельской речи может выступать и как нативизированное заимствование (kuuzi ričšii солярки/а, «шесть бочек солярки»), и как формальная альтернация («солярка»).

Вместе с тем в рамках настоящего анализа учитывается также степень укорененности заимствованного элемента. Слова, закрепившиеся в системе карельского языка, частотные во всех идиомах и зачастую внесенные в лексикографические работы, не рассматриваются как примеры переключений кодов.

Классификация данных

В собранных данных переключение кода с карельского на русский представлено в чуть больше чем в 65% высказываний (2334 высказывания из 3587 содержат переключение). Основным языком текстов был карельский, и абсолютно все случаи переключений можно идентифицировать как переключение с карельского языка на русский. В том случае, если информант переходил на русский язык, он, как правило, обходился без переключения на карельский.

В табл. 2 обобщены данные по переключению кодов, содержащиеся в собранном корпусе, с точки синтактико-морфологической типологии копируемых единиц: от отдельных словоформ до завершенных высказываний.

Таблица 2. Структурная типология переключения кодов

Table 2. Structural typology of code switching

Фраз, всего	Фраз с переключением кодов	Вставка отдельной словоформы	Вставка цепочки словоформ	Полные высказывания
3587	2334	1514	1369	158

Вставка отдельной словоформы. Ниже, в табл. 3, представлена статистика по отдельным словоформам («вкрапления» по [20]).

Таблица 3. Изолированные словоформы в корпусе

Table 3. Isolated word forms in the corpus

Часть речи	Общее кол-во слов	Процент от общего количества изолированных вставок	Словоформы с глобальным копированием	Процент случаев глобального копирования
имена существительные	602	40%	440	73,09%
имена собственные	88	5,8%	40	45,45%
глаголы	143	9,5%	105	73,43%
имена прилагательные	114	7,5%	105	92,11%
имена числительные	10	0,6%	8	80,00%
наречия	44	2,9%	--	0%
предлоги	4	0,2%	--	0%
союзы	19	1,2%	--	0%
междометия	5	0,3%	--	0%
частицы	13	0,9%	--	0%
местоимения	4	0,3%	1	25,00%
вводные слова	2	0,1%	--	0%

Существительные как ядерный класс лексики демонстрируют закономерную высокую частоту переключений в условиях языкового контакта, что хорошо отражается в собранных данных (45,5% случаев с учетом имен собственных) и не противоречит картине, обычно наблюдаемой при изучении переключения кодов в языках мира [21, с. 66ff].

Большая часть имен собственных принадлежит или к топонимам, или к антропонимам. Отличительной особенностью антропонимов является практически полное отсутствие какой-либо нативизации: они сохраняют русскую морфологию и фонетический облик. Единственным исключением являются фамилии («Лёвуина/l», «Дубинин/at»). Топонимы в половине случаев (12 из 24) обнаруживают нативизированную форму: «Видлица/s», «Крым/ah», чаще всего присоединяя показатели инессива (-h/-ah/-es) и элатива (-späi).

Нарицательные существительные обнаруживают высокий уровень селективного копирования — 73,09% от общего числа слов данной категории. При лексическом анализе заимствованных существительных можно выделить несколько семантических групп. Наиболее многочисленную категорию составляют социально-административные термины, зачастую относящиеся к историческим реалиям (около 30%): «дружинник», «комсомольцы», «председатель». Вторую группу составляют имена существительные, относящиеся к экономике и хозяйственной деятельности (около 25%): «инструмент», «нарсуд» и т.п. Научная и образовательная терминология составляет около 20% заимствований: «одноклассник», «школьник». Лексика, относящаяся к бытовой сфере, составляет около 15% случаев копирования («носки/i», «ларьк/at»).

Глаголы демонстрируют 143 случая копирования из русского в карельский код, что составляет 9,5% от общего числа анализируемых примеров. Из них в 105 случаях, или в 73,43%, к русским глагольным основам присоединяются карельские показатели.

Прилагательные обнаруживают несколько меньший процент переключений — 114 случаев (7,5%), однако степень их морфологической интеграции существенно выше. В абсолютном выражении количество примеров с карельскими окончаниями совпадает с глаголами (105 случаев), но в процентном соотношении это составляет 92,11% от всех случаев переключений для прилагательных.

Несмотря на относительно редкое использование числительных (как порядковых, так и количественных), можно сделать предположение о том, что вероятность их копирования возрастает по мере увеличения числового значения. Исключения составляют заимствованные устойчивые выражения или имена собственные (например, «восемь/oi марта» или «восемилетн/öit školat»).

Цепочки словоформ. В 11% контекстов (150 из 1369, см. табл. 2) употребляются дискурсивные маркеры и модальные частицы, самыми частотными из которых являются «ну вот» (27 случаев), «в общем» (21 случай) и модальная частица «ну» (67 случаев):

(7) ну и	opastundu-a	конечно и	спортивно-loi-l	dielo-loi-l
{RUS}	учеба-PART	{RUS}	спортивный-PL-ADE	событие-PL-ADE
'{Ну и}RUS учеба, {конечно, и}RUS на спортивные мероприятия...'				

Атрибутивные конструкции типа «существительное + прилагательное» реализуются через стандартные модели согласования по падежу и числу: «речное училище», «богат/oi стенд/oinke». Конструкции «существительное + существительное» представлены преимущественно родительным падежом с атрибутивной функцией: «День инвалидов», «метод самоуправления», «заместитель директора».

Инфинитивные сочетания представлены частотными в разговорной речи конструкциями с предикативами: «надо выйти», «можно сказать». Союзные конструкции представлены преимущественно сочинительными союзами («и», «а», всего 181 пример).

К наиболее употребительным синтаксическим конструкциям в собранном материале относятся предложные группы (245 примеров, всего 18%), при этом именная составляющая может быть как нераспространенной («на самообслуживании»), так и управлять атрибутивной или адъективной группой («на Беломоро-Балтийском канале», «в конце мая»). Глагольные группы (как финитные формы, так и инфинитивы) представлены преимущественно моделями с прямым

дополнением в винительном падеже: «мероприятие/t проводим», «георгин/at разделить», «квартиру дали».

Корреляция между типом дискурса и переключением кодов. Можно сделать некоторые обобщения относительно корреляции переключения на русский язык и дискурсивного типа текста. В табл. 4 приведена информация о количествах переключений по типу дискурса.

Таблица 4. Корреляция типа дискурса и переключения кодов
Table 4. Correlation of the type of discourse and code switching

Тип дискурса	Доля в общем объёме	Кол-во фраз	Кол-во переключений	Коэффициент
Зачин	7,5%	270	252	0,93
Секвенциальный	25,3%	909	1117	1,23
Ретроспекция	51%	1830	2085	1,14
Комментарий	8,1%	291	422	1,45
Цитирование	6,4%	231	254	1,10
Концовка	1,5%	56	62	1,08
Итого	100%	3586	4192	

Анализ распределения переключения кодов в различных типах дискурса удобно представлять при помощи коэффициента соотношения числа переключений кода к числу речевых фрагментов. Этот коэффициент высчитывается делением числа переключений на число фрагментов, относящихся к тому или иному дискурсивному типу. Так, коэффициент 0,5 может означать, что на десять проанализированных речевых фрагментов приходится пять переключений кода.

Наибольшее значение коэффициента обнаруживается для комментариев, где средний коэффициент составляет 1,45. Секвенциальный дискурс демонстрирует коэффициент 1,23, что указывает на частую смену кодов даже при линейном изложении. Ретроспекции характеризуются показателем 1,14, тогда как зачины и концовки проявляют меньшую устойчивость с коэффициентами 0,93 и 1,08 соответственно, демонстрируя вариативность в использовании переключения на границах нарратива.

Наибольшая плотность переключений в комментариях объясняется прагматикой подобных речевых фрагментов. Будучи мета-высказываниями, они включают обращения, оценки и пояснения, что требует постоянного переключения между разными регистрами речи и, соответственно, кодами:

(8) mină ole-n знахарь
 1SG быть; PRES-1SG {RUS}

mină лечением (sic!) занимаюсь с шестнадцати лет
 1SG {RUS}

mină щас пидисять (sic!) семь будет в августе
 1SG {RUS}

‘Я – {знахарь}_{RUS}. Я {лечением занимаюсь с шестнадцати лет}_{RUS}. Я, {щас пидисять семь будет в августе}_{RUS}’.

При цитировании характер переключения существенно варьирует в зависимости от типа цитируемого источника. При воспроизведении речи официальных лиц вероятность переключения кодов очень высока, и такие переключения выполняют не только воспроизводящую, но

и оценочную функцию, подчеркивая дистанцию между обыденной и официальной коммуникацией:

(9) myö	sano-u	tei-dy	самолет-as	heitä-mmö
1PL; NOM	сказать-PRES.3SG	2PL-PART	самолет-INE	бросить-1PL

meččä-h	и	sano-u	на выживаемость проверим
лес-ILL	{RUS}	сказать-PRES.3SG	{RUS}

tei-dy	как вы сумеете справиться
2PL-PART	{RUS}

‘Мы, говорит, вас на самолете в лес забросим и, говорит, {на выживаемость}_{RUS} проверим вас, {как вы сумеете справиться}_{RUS}’.

(10) minä	sano-i-n
1SG; NOM	сказать-PAST-1SG

для трудновоспитуемых по решению райкома вы должны финансировать две тысячи пятьсот рублей в месяц.
{RUS}

Я сказал: {«Для трудновоспитуемых по решению райкома вы должны финансировать две тысячи пятьсот рублей в месяц»}_{RUS}’.

В случае цитирования бытовой речи или неофициальных высказываний характер переключения меняется: скорее, переключение кодов преследует цель наиболее точного воспроизведения чужой речи, однако при этом переключение на русский происходит далеко не всегда. Подобные переключения служат, прежде всего, целям драматизации повествования, делая его более наглядным и экспрессивным (см. также пример (5)):

(11) Pavši	kusbo	on	vazaraine
Паша; NOM	где	быть; PRES; 3SG	молоток; NOM

Pavši	отвечает по-русски
Паша; NOM	{RUS}

‘Паша, где молоток? – Паша {отвечает по-русски}_{RUS}...’

Несмотря на различия в механизмах, можно констатировать функцию переключения кодов как средства маркировки чужой речи. Тем не менее выбор переключения определяется характером цитируемого источника и коммуникативными целями говорящего.

Секвенциальный дискурс, как и ретроспекции, несмотря на кажущуюся линейность, также демонстрируют устойчиво высокий показатель переключения кодов, что, по-видимому, можно объяснить необходимостью организации связного повествования: при последовательном изложении событий говорящий вынужден маркировать переходы между эпизодами, менять перспективу или степень детализации, что сопровождается сменой языковых средств.

Что касается зачинов и концовок, то эти элементы дискурса более вариативны: одни информанты используют их как четкие маркеры границ повествования, другие без них обходятся. В отличие от комментариев или ретроспекций, зачины и концовки реже требуют одновременного совмещения разных планов повествования. Так, комментарии предполагают постоянные переходы между основной мыслью и пояснениями говорящего, а ретроспекции — между временными планами. Граничные же элементы дискурса выполняют, прежде всего, структурную функцию, обозначая начало или завершение повествования. Их содержание чаще всего однородно: они либо продолжают основную линию повествования, либо подводят итог, поэтому необходимость в переключениях кодов здесь возникает реже.

В целом интродуктивные контексты и концовки в собранном материале не являются однозначно маркированными с точки зрения переключения кодов. О какой-либо корреляции можно говорить только в том смысле, что для некоторых информантов характерны зачины и концовки без переключения кодов (см. также пример (1)):

(12) minä	opastu-i-n	Kotkatjärve-n	škola-s
1SG; NOM	учиться-PAST-1SG	Коткозеро-GEN	школа-INE
lopi-i-n	kymmene	kruassu-a	
заканчивать-PST-1SG	десять	класс-PART	

в тыщца (sic!) девятьсот семьдесят (sic!) первом году
{RUS}

‘Я учился в Коткозерской школе. Окончил десять классов {в 1971 году}_{RUS}’.

В то же время другие информанты достаточно стабильно используют русские вводные обороты при переходе к новому смысловому отрезку или при его завершении:

(13) Это было двадцать седьмого мая, вот так.
А двадцать второго началась война.

(14) a	konzu	enzikerran	hāi	tul-i
{RUS}	когда	первый раз	3SG; NOM	приходить-PST; 3SG
поздравляй-mah	да и	myö	hāne-n	ker
поздравлять-3INF.ILL	{RUS}	1PL;NOM	3SG-GEN	вместе.c

onnakko k̄ä-i-mmö до слёз дах... доводит, доходят, вот так
однако ходить-PST-1PL {RUS}

‘{A}_{RUS} когда он первый раз пришел поздравлять, да и мы с ним, однако, ходили. {До слёз дах..., доводит, доходят, вот так}_{RUS}’.

Обсуждение

В проанализированном в предыдущих разделах материале на себя обращает внимание, прежде всего, то обстоятельство, что, несмотря на высокую частоту переключений с карельского

на русский, в текстах практически отсутствуют альтернативные пассажи, в которых и русский, и карельский языки выступают как два равнозначных кода.

Так, всего было насчитано 158 законченных высказываний на русском языке, что составляет немногим менее 4,5% от общего количества высказываний в корпусе. Следует констатировать, что на данный момент авторы настоящего исследования не обладают достаточным количеством материала для выводов из анализа дистрибуции этих высказываний, то есть в целом не удалось обнаружить устойчивой корреляции между переходом на русский язык и какими-либо факторами. Единственным исключением являются два типа контекстов, в которых вероятность появления законченного высказывания достаточно высока: это цитирования и концовки. Однако если прагматическая роль переключения на русский язык при цитировании в целом ясна (см. предыдущий раздел), то причины этого явления в концовках пока что остаются непонятными. Можно осторожно предположить, что переход на русский язык сигнализирует о том, что информант устал от порождения текста на карельском языке и обозначает свое желание перейти на более комфортный для него русский, но это предположение требует тщательной проверки.

В тех случаях, когда переключение кодов реализуется в виде цепочек словоформ (но не законченных высказываний), можно отметить, что чаще всего употребление более чем одной словоформы из русского языка связано или с тем, что эти словоформы функционируют как одна непосредственная составляющая (чаще всего предложная или именная группа), или с тем, что одна из словоформ представляет собой дискурсивный маркер, сфера действия которого распространяется на все высказывание. В целом стоит отметить преобладание дискурсивных маркеров над распространенными вводными конструкциями и их частотность, что демонстрирует роль русского языка как средства организации карельской речи.

Частеречный анализ отдельных вкраплений ожидаемо выявил преобладание знаменательной лексики над служебными элементами. Высокая доля переключений в данном случае объясняется традицией формирования официальной и административной терминологии на русском языке, а также длительным функционированием социальных структур в русскоязычном контексте.

Высокий процент нативизации прилагательных и глаголов можно объяснить, прежде всего, «синтаксической» ролью морфологических категорий, которые выражаются в их составе. Стратегия присоединения карельских окончаний к прилагательным направлена на встраивание русской словоформы в карельский контекст (например, в атрибутивной позиции), что требует их согласования с определяемым существительным. Часть глагольных форм является инфинитивными, обнаруживая показатели инфинитива в падежных формах («тревоужи/таһ») или окончания причастий («выступай/čëi»); остальные случаи – это финитные формы глагола, чаще всего в форме 3PL.

Основной механизм внутрисловной морфонологической адаптации охватывает существительные, прилагательные, числительные и глаголы и предполагает заимствование русской производящей основы с присоединением карельских слово- и формоизменяющих аффиксов. К последним относятся -at (180 случаев, 17%), -oi (171, 16%), -u (137, 13%), -ua (113, 10%), -as (92, 8%), -an (90, 8%), -ii (71, 6,5%), -al (71, 6,5%), -oit (69, 6%), -ttih (59, 5%) и др. Эти аффиксы относятся к глагольному и именному словоизменению, в том числе оформляя нефинитные формы глагола.

Важно отметить, что в некоторых из представленных показателей (-at, -an, -as, -ua и др.) собственно окончание с точки зрения карельской морфологии представлено только финальным согласным или гласным (-t, -n, -s, -a), а гласный перед ним является формативом. Например, в экскурсовод/at гласный /a/ не входит в состав окончания, а является морфологически обусловленным сегментом (иначе говоря, вариантом гласной основы), возникающим при присоединении карельского окончания.

В целом процесс морфонологической адаптации русских основ характеризуется рядом преобразований:

- 1) геминацией конечных согласных, с наибольшей частотностью реализующейся для /k/ и /t/ (ср. сокк/ua, практикк/ua, сократти/e), и значительно реже — для /s/ (космосс/ah);
- 2) количественным удлинением гласных в ударных слогах (культуур/ua, подрууг/ua);
- 3) дифтонгизацией гласного в последнем слоге основы (атлеттиекк/u, сигнал/an) или ударного внутри корня (кроулиекк/ua).

При этом акцентная структура заимствуемых лексем сохраняет исходные параметры, не подвергаясь редукции по модели карельской просодической системы, где ударение тяготеет к началу слова. Гармония гласных, характерная для прибалтийско-финских языков, также не нарушается.

Несмотря на наличие в карельском парных вариантов окончаний (-at/-ät, -oi/-öi), в наблюдаемом материале выбор формы не зависит от фонологического состава заимствуемой русской основы. В подавляющем большинстве случаев используется форма с гласным заднего ряда (-at, -oi), даже при наличии в основе переднеязычных гласных (вечер/at, цвет/at, медн/oi). И напротив, показатель -späi в корпусе представлен исключительно в этом виде: варианты с гласной /a/ (spai) практически не фиксируются. Такая дистрибуция может объясняться отсутствием палатализации в русских основах и предпочтением артикуляционно более устойчивых сочетаний.

Наибольшая регулярность морфонологической адаптации наблюдается у глагольных основ. Во всех зафиксированных случаях карельские аффиксы присоединяются к русской основе настоящего времени: рисуи/ttihi (3 л. мн. ч. прош. вр.), при этом рефлексивный показатель -сь/-ся устраняется перед адаптацией: старай/ttihi. Выбор варианта карельского показателя определяется финалью русской основы. В данных выделяются два типа основ: оканчивающиеся на гласный или согласный и оканчивающиеся на /j/. В первом случае используются окончания -n, -t, -mmo и др., во втором — их алломорфы -čen, -čet, -čemma.

В сфере словоизменения имен прилагательных наиболее продуктивной моделью оказывается присоединение окончания -oi к русской формообразовательной основе: настоящ/oi, старш/oi, накоплenn/oi. Однако в ряде случаев возможно совпадение карельского окончания -oi с русской диалектной флексией -ой, как в мужск/oi или полезн/oi. Подобное явление зафиксировано в заимствованиях: формы типа boikoі (рус. бойкий), hiitroi (рус. хитрый) объясняются проникновением полных форм прилагательных из севернорусского диалекта, где в именительном падеже мужского рода используется окончание -oj [22, с. 79]. Можно предположить, что в наблюдаемых примерах переключений кодов реализуется сходный процесс. В таких формах трудно однозначно определить, происходит ли присоединение окончания к выделенной основе или к уже образованной форме, из которой предварительно устраняется финаль. Предположительно, здесь может иметь место наложение морфов, при котором граница между русским и карельским компонентами становится формально неразличимой.

Основы имен существительных, оканчивающиеся на твердый согласный, систематически получают карельский флексивный показатель -u (ср. экскурсовод/u, грядк/u), в то время как основы с палатализованной финалью или /ij/ оформляются посредством форманта -ii (ср. прият/ii, болезн/ii). Однако собранные данные демонстрируют определенную вариативность при реализации описанной стратегии. В частности, после палатализованных щелевых согласных отмечаются случаи маркирования как «твердого» типа (училищ/u, завуч/u), так и «мягкого» варианта (ёрш/ii). Эта дистрибуция требует специального исследования в дальнейшем.

Четкой корреляции между типом дискурса и частотой переключений выявить не удалось. Наибольшая частота переключений кода наблюдается в комментариях (коэффициент 1,45), что связано с их метатекстовой функцией, однако в целом частота переключений остается относительно равномерной. Более того, возникает впечатление, что тип дискурса играет второстепенную роль. Несмотря на его значимость как фактора, большая часть случаев переключений кодов может быть объяснена необходимостью вставки знаменательного слова, которое традиционно

копируется из русского языка. Например, переход на русский в следующем зачине, скорее всего, никак не связан с дискурсивным типом этого отрывка и может быть объяснен тем, что в современном карельском языке отсутствует аналог лексем «лесхоз» и «опытно-показательный»:

(15) guavo-i-n	Anukse-n	лесхоза-s	ulen	hyvä
работать-PST-1SG	Олонец-GEN	лесхоз-INE	очень	хороший; NOM
лесхоз-и	опытно-показательн-oi		oli	
лесхоз-NOM	опытно-показательный-NOM		быть-PST;3SG	
‘Я работала в олонецком лесхозе. Очень хороший лесхоз, опытно-показательный был...’				

Наблюдения над корреляцией дискурсивного типа текста и частотой переключений кодов в целом подтверждают выводы предыдущих исследований [5]: переключение между языками в речи карельских информантов носит системный характер, являясь рутинным и немотивированным речевым поведением: «Так называемый карельско-русский, используемый современными карелами, судя по описанию, в структурном отношении не отличается от немотивированного переключения кодов, рассмотренного нами выше: процент русских элементов в речи высок, переключение происходит часто и плавно, без пауз, при этом оно имеет место как между предложениями, так и без ограничений внутри предложения, в том числе между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением и т.д.» [23, с. 302].

Заключение

Проведенный анализ записей спонтанной карельской речи позволил систематизировать и количественно подтвердить описанные в научной литературе особенности карельско-русского билингвизма. Исследование показало, что переключение кода с карельского языка на русский встречается примерно в 65% записанных высказываний, что хорошо согласуется с описанием типа карельско-русского двуязычия как доминантного, с сильным влиянием со стороны русского языка. На структурном уровне наиболее частотной стратегией копирования оказывается «вкрапление» отдельных словоформ или синтаксических составляющих, включая служебные единицы. Среди копируемых единиц преобладают имена существительные: как нарицательные, так и личные. Прилагательные и глаголы демонстрируют высокую степень нативизации (морфологической интеграции); так, процент словоформ, представляющих собой русскую основу с присоединенным карельским показателем, составляет 92% для прилагательных и 73,43% для глаголов.

В принципе все случаи переключений кодов могут быть объяснены двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, неполной языковой компетентностью части информантов, для которых карельский язык не является активным средством повседневного общения; во-вторых, высокой степенью интродуцированности русской лексики и грамматических моделей в карельский языковой код.

Несмотря на то, что некоторые итоги представленной работы могут быть описаны термином «отрицательный результат» с точки зрения теории языковых контактов (в частности, поиск закономерностей, позволяющих предсказать или объяснить переключение кодов в конкретных контекстах), ценность представленного материала состоит в конкретизации механизмов фонетико-морфологической адаптации русских элементов при их копировании в современный ливвиковский языковой код. Собранный материал иллюстрирует такие особенности, как геминация консонантной финали основы, количественное удлинение гласных в ударных слогах, дифтонгизация, а также специфика акцентной структуры и гармонии гласных в заимствованиях. Полученные результаты дополняют существующие описания карельско-русского билингвизма,

но в то же время и указывают на необходимость дальнейших исследований с учетом дополнительных факторов, таких как социолингвистический контекст и индивидуальные стратегии говорящих.

Список глосс

{...}RUS — текст на русском языке;
1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо;
3INF — 3 инфинитив;
ACC — аккузатив;
ADE — адессив;
ADJZ — адъективатор;
ALL — аллатив;
DEM — демонстратив;
GEN — генитив;
ILL — иллатив;
INE — инессив;
NOM — номинатив;
PART — партитив;
PL — множественное число;
PRES — настоящее время;
PST — прошедшее время;
Q — вопросительная клитика;
SG — единственное число.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Auer P.** From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // *International Journal of Bilingualism*. 1999. Vol. 3, Iss. 4. Pp. 309–332. DOI: 10.1177/13670069990030040101
2. *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives* / ed. by M. Heller. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1988. 278 p.
3. **Gardner-Chloros P., Edwards M.** Assumptions Behind Grammatical Approaches To Code-Switching: When The Blueprint Is A Red Herring // *Transactions of the Philological Society*. 2004. Vol. 102, Iss. 1. Pp. 103–129. DOI: 10.1111/j.0079-1636.2004.00131.x
4. **Myers-Scotton C.** *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 285 p.
5. **Sarhimaa A.** *Syntactic Transfer, Contact-Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 240 p.
6. **Tavi S.** *Contact-induced lexical variation in the Karelian language: Corpus-based perspectives on code-copying*. Joensuu: University of Eastern Finland, 2023. 141 p.
7. **Laakso J., Sarhimaa A., Åkermark S.S., Toivanen R.** *Towards Openly Multilingual Policies and Practices: Assessing Minority Language Maintenance Across Europe*. Bristol: Multilingual Matters, 2016. 280 p.
8. **Tavi S.** Lexical Outcomes of Karelian-Russian Bilingualism in Tver Karelian // *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri*. 2022. Vol. 13, Iss. 2. P. 347–381. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.11
9. **Зайков П.М.** *Глагол в карельском языке*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2000. 294 с.
10. **Sarhimaa A.** Karelian // *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford Academic, 2022. P. 269–290.
11. **Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S.** *Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report (Studies in European Language Diversity 26)*. Mainz: Research consortium ELDIA, 2013. 269 p. URL: <https://phaidra.univie.ac.at/detail/o:314612> (дата обращения: 12.05.2025).

12. **Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.** Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_statii/karelian_in_grammar.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
13. **Tavi S., Tavi L.** Vocabulary-Based Classification and Contact-Induced Formation of Neologisms in Two Standard Varieties of Karelian // *Journal of Language Contact*. 2022. Vol. 14, Iss. 3. P. 684–719. DOI: 10.1163/19552629-14030006
14. **Kipyatkova I., Kagirow I., Dolgushin M., Rodionova A.** Towards a Livvi-Karelian End-to-End ASR System // *Proceedings of the 26th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2024)* (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 15299). Cham: Springer, 2024. P. 57–68.
15. **Johanson L.** Code Copying: The Strength of Languages in Take-over and Carry-over Roles. (Brill's Studies in Language, Cognition and Culture 38). Leiden: Brill, 2022. 165 p.
16. **Muysken P.** Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge. Cambridge University Press, 2000. 324 p.
17. **Pyöli R.** Venäläistyvä aunuksenkarjala. Kielenulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteissa (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 18). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1996. 376 p.
18. **Оскольская С.А.** Переключение кодов в речи носителя нанайского языка // *Труды ИРЯ РАН*. 2020. № 4 (26). С. 224–243. DOI: 10.31912/pvrl-2020.4.11
19. **Плунгян В.А.** Предисловие: Дискурс и грамматика // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / под общ. ред. В.А. Плунгяна (отв. ред.), В.Ю. Гусева, А.Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.
20. **Хилханова Э.В., Папинова Ж.Б.** К вопросу о терминах переключения кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 2 (69). С. 667–671.
21. **Вайнрайх У.** Языковые контакты. Киев: Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979. 263 с.
22. **Kalima J.** Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki: SKS, 1952. 234 s.
23. **Головко Е.В.** Переключение кодов или новый код? // *Труды факультета этнологии: сборник статей*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 298–316.

REFERENCES

- [1] **Auer P.**, From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech, *International Journal of Bilingualism*, 3 (4) (1999) 309–332. DOI: 10.1177/13670069990030040101
- [2] *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives*, ed. by M. Heller, De Gruyter Mouton, Berlin, New York, 1988.
- [3] **Gardner-Chloros P., Edwards M.**, Assumptions Behind Grammatical Approaches To Code-Switching: When The Blueprint Is A Red Herring, *Transactions of the Philological Society*. 102 (1) (2004) 103–129. DOI: 10.1111/j.0079-1636.2004.00131.x
- [4] **Myers-Scotton C.**, *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching*, Oxford University Press, Oxford, 1993.
- [5] **Sarhimaa A.**, Syntactic Transfer, Contact-Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation, Finnish Literature Society, Helsinki, 1999.
- [6] **Tavi S.**, Contact-induced lexical variation in the Karelian language: Corpus-based perspectives on code-copying, University of Eastern Finland, Joensuu, 2023.
- [7] **Laakso J., Sarhimaa A., Åkermarck S.S., Toivanen R.**, Towards Openly Multilingual Policies and Practices: Assessing Minority Language Maintenance Across Europe, *Multilingual Matters*, Bristol, 2016.
- [8] **Tavi S.**, Lexical Outcomes of Karelian-Russian Bilingualism in Tver Karelian, *Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri*, 13 (2) (2022) 347–381. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.11
- [9] **Zaykov P.M.**, *Glagol v karelskom yazyke [Verb in the Karelian language]*, PetrSU Publishing House, Petrozavodsk, 2000.
- [10] **Sarhimaa A.**, Karelian, *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik, Oxford Academic, Oxford, 2022, pp. 269–290.

- [11] **Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S.**, Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report (Studies in European Language Diversity 26), Research consortium ELDIA, Mainz, 2013. Available at: <https://phaidra.univie.ac.at/detail/o:314612> (accessed 12.05.2025).
- [12] **Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.**, Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation, KarRC RAS, Petrozavodsk, 2022. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/karelian_in_grammar.pdf (accessed 12.05.2025).
- [13] **Tavi S., Tavi L.**, Vocabulary-Based Classification and Contact-Induced Formation of Neologisms in Two Standard Varieties of Karelian, *Journal of Language Contact*, 14 (3) (2022) 684–719. DOI: 10.1163/19552629-14030006
- [14] **Kipyatkova I., Kagirow I., Dolgushin M., Rodionova A.**, Towards a Livvi-Karelian End-to-End ASR System, *Proceedings of the 26th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2024) (Lecture Notes in Computer Science, 15299)*, Springer, Cham, 2024, pp. 57–68.
- [15] **Johanson L.**, *Code Copying: The Strength of Languages in Take-over and Carry-over Roles*, Brill, Leiden, 2022.
- [16] **Muysken P.**, *Bilingualspeech: A typology of code-mixing*, Cambridge University Press, Cambridge, 2000.
- [17] **Pyöli R.**, Venäläistyyvä aunuksenkarjala. Kielenulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kielenvaihtolanteissa (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 18), Joensuun yliopisto, Joensuu, 1996.
- [18] **Oskolskaya S.A.**, Code-switching in the Speech of a Nanai Speaker, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 4 (26) (2020) 224–243. DOI: 10.31912/pvrli-2020.4.11
- [19] **Plungyan V.A.**, Predisloviye: Diskurs i grammatika [Introduction: Discourse and grammar], *Issledovaniya po teorii grammatiki [Studies in the Theory of Grammar]*, Iss. 4, Grammaticheskiye kategorii v diskurse [Grammatical Categories in Discourse], ed. by V.A. Plungyan, V.Yu. Gusev, A.Yu. Urmanchieva, Gnosis, Moscow, 2008, pp. 7–34.
- [20] **Khilkhanova E.V., Papinova Zh.B.**, About the Terms Code Switching, Code Mixing, Insertion and Their Differentiation Criteria, *The world of science, culture and education*, 2 (69) (2018) 667–671.
- [21] **Vaynraykh U.**, *Yazykovyye kontakty [Languages in contact]*, Kyev State University Publishing House “High School”, Kyev, 1979.
- [22] **Kalima J.**, *Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista*, SKS, Helsinki, 1952.
- [23] **Golovko Ye.V.**, *Pereklyucheniye kodov ili novyy kod? [Switching codes or a new code?]*, *Proceedings of Ethnology Department: A collection of papers*, European University Publishing House, St. Petersburg, 2001, pp. 298–316.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Кагиrow Ильдар Амирович

Ildar A. Kagirow

E-mail: kagirow@ias.spb.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1196-1117>

Киселева Ксения Олеговна

Kseniia O. Kiseleva

E-mail: kiseleva.k@ias.spb.su

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5572-3842>

Кипяткова Ирина Сергеевна

Irina S. Kipyatkova

E-mail: kipyatkova@ias.spb.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1264-4458>

Поступила: 16.05.2025; Одобрена: 27.06.2025; Принята: 30.06.2025.

Submitted: 16.05.2025; Approved: 27.06.2025; Accepted: 30.06.2025.